

Л.Г. ЛАМЕКО

*(Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь)*

УДК 821.161.1-3(Бирюков С.)»19»

ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,44

КОМПОЗИЦИЯ КНИГИ С. БИРЮКОВА «SPHINX» (2008)

Аннотация. В статье исследуется композиция книги С.Бирюкова «Sphinx». Рассматриваются механизмы раскрытия сюжета об обретенном голосе, композиционные приемы и композиция образной системы.

Ключевые слова: С. Бирюков, «Sphinx», композиция, образы, сюжет.

Книга «Sphinx» опубликована в 2008 г., и основным ее пафосом можно считать желание подвести некие промежуточные итоги. Воспоминания о детстве, о дальних странах, философские вопросы об основах и закономерностях бытия – неотъемлемый компонент рефлексии зрелой личности, подходящей к некоему рубежу. С. Бирюков размышляет о крайних точках жизненного пути: о зачатии – и о старости и смерти. Особенностью творческого сознания С. Бирюкова является то, что ипостась человека неразрывно связана с ипостасью поэта. Там, где подводит итоги жизненного пути Бирюков-личность, окидывает взглядом свою творческую эволюцию Бирюков-поэт. Поэт и человек, «очень разные состояния одного и того же (!)» [Бирюков 2008: 6] имеют возможность быть объяснены одно через другое. Это объяснение, по мнению автора книги, происходит «внутри самих стихов (стихоз!) и во взаимодействии их внутри книги» [Бирюков 2008: 6]. Это замечание «узаконивает» наш интерес к композиции книги «Sphinx», которую рассмотрим в свете осмысления себя и своего творческого и земного пути поэта-человека С.Бирюкова.

В состав книги вошли стихотворения разных лет. Например, стихотворение «что хлебников...» встречается в книге «Поэзия русского авангарда», изданной С. Бирюковым в 2001 году. Почти половина (16 из 38) стихотворений и циклов через год были опубликованы под обложкой книги «Поэзис» (2009) – значительной итоговой книги поэта.

Существует мнение, что опорными точками композиции сборника являются стихи о Санкт-Петербурге (см. [Мирзаев 2009]). В книге действительно немало стихотворений, опевающих петербургскую тему («сфинкс», «киноэюд», «СПб», «Петербург» и др.). И в оформлении книги использованы рисунки Мстислава Добужинского, горячо Санкт-Петербург любившего и иллюстрировавшего «Белые ночи» Ф.М. Достоевского. Работы художника создают в книге особый образ города на Неве и вступают с «петербургскими» стихами С. Бирюкова в отношения диалога, который можно было бы рассмотреть отдельно. Но, несмотря на сильный «петербургский» компонент, нам представляется, что композиционная опора книги – шире этой темы. Тон задают лирические стихотворения-циклы, и их в «Sphinx» вошло 5. Два из них, «подводные стихи» и «ночное путешествие в n пространстве», расположены в первой части книги, «sic transit» – в центре, «из серии эсхатологических опытов» и «в n пространстве» – завершают книгу. Они-то и содержат в себе главенствующие мотивы и образы, и это не тема Северной Пальмиры. К данным лирическим циклам справедлива характеристика циклов вообще: они отображают «существенную грань мировидения, этап процесса миростроения» [Мирошникова 2002: 33], – в отличие от стихотворения, которое представляет собой только мгновенный снимок художественного мира поэта. Это тем более существенно, что книга в целом содержит историю возвращения домой, обретения голоса. А этой задаче больше соответствуют макроуровни: лирические циклы и их внутренняя связь между собой. Поэтому композиционная последовательность так важна: она обуславливает целостность книги «Sphinx».

Две тесно переплетающиеся проблемы лежат в основе книги. Это: 1) обретение голоса, рождение стихов и 2) путешествие как промежуточное подведение итогов. Рассмотрим сюжет обретения голоса.

Тема возвращения возможности произносить заявлена еще в «предупреждении», где появляется стихия немоты – вода. «Может быть стоит сказать несколько слов о том, что автор прошел некий путь формотворчества с заходом во внесловесную территорию поэзии, чтобы потом вынырнуть в словесных водах. Или не «чтобы», а просто вынырнуть» [Бирюков 2008: 5]. Все стихи, начиная с первого и до цикла «подводные стихи», расположены по нарастающей, когда образ тишины нагнетается образом темноты и достигает своего апогея в первом цикле. В первом стихотворении «новые сведения о Петrarке и

Лауре» герои просто ничего не произносят. В следующем стихотворении Джон Кейдж «смеялся беззвучно». В следующем стихотворении «сфинкс» слово «молчание» фигурирует в каждой строфе, а в первой – дважды: «*молчаливый сфинкс / у морских ворот / Санкт-Петербурга / ты встречаешь моряков / молчанием // ты внимательно слушаешь / их разговоры<...> а после перескажешь / потомкам / также молчаливо // тебя тишина не пугает <...> и ты также молча / ответишь ему приветом ...*» (курсив наш. – Л.Л.) [Бирюков 2008: 9–10]. Но соседство с глаголами говорения и финал стихотворения могут привести к сомнению в бессодержательности и неинформативности молчания: «*встречаешь ... молчанием*», «*перескажешь ... молчаливо*», «*молча/ответишь ему приветом*». Геннадий Айги в книге «Поэзия-как-молчание» пишет: «Тишина и молчание (в поэзии) – не одно и то же. Молчание – тишина с «содержанием» <...> и молчание, и тишину можно творить: лишь Словом» [Айги 1996]. С. Бирюков цитирует эти слова в исследовании «Поэзия русского авангарда» [Бирюков 2001: 176]. В свете этих высказываний последние строки стихотворения «сфинкс» уже не неожиданны: отсутствие произнесенного ответа от сфинкса успокаивает «вернувшегося из плавания», дает ему чувство возвращения домой: «он скажет тебе / – здравствуй сфинкс – / и ты также молча / ответишь ему приветом / и тогда он поймет / что вернулся домой» [Бирюков 2008: 10]. Образ молчания вклинивается в линию повествования о немоте как небольшое светлое пятно – возможность позитивного, содержательного и значимого отсутствия слов. Прием контраста, противоположный взгляд на вещи среди доминирующего в данный момент развития сюжета будет повторен зеркально во второй части книги. Там, в ходе рассказа о зачатии слова, появится поэт, порывающий со стихами и последует заключение о том, что поэтов нет. И это не помешает лирическому герою найти вдохновение в преемственности у предыдущих поколений поэтов.

Со стихотворения «прикуривая одну сигарету...» возникает образ темноты. Причем вместе с воспоминаниями, «перетираниями камешков вчерашнего дня» [Бирюков 2008: 13]. Далее следуют стихи о детстве, самое светлое из которых, «конец августа», очень подробно описывает детские впечатления любознательного школьника, ожидающего начала учебного года. Эти впечатления касаются запахов, цвета и форм, прочитанных книг, разговоров, забытых песен, даже воображаемых путешествий. Это настроение переходит в следующий за стихотворением цикл «подводные стихи», но присовокупляясь к

ранее заявленным мотивам и образам. Поэтому цикл получается многогранный: здесь есть и радостная беготня по анапскому пляжу, и плавание с рыбами. Настроение меняется, когда приходит немота, а с ней и печаль: «плыть под водой/ касаться плавников / пльвучих рыб / и слушать/ немую речь / видеть / шевеление губ / почему / печаль» [Бирюков 2008: 18]. Вода делает невозможным не только говорение («под водой / не скажешь/ А / затечет вода»), но и любое другое высказывание: «оказывается трудно/ стихи записать / под водой / даже на песке / они смываются / не остается / ни одной строки / подумай ни одной / под водой / если можешь / запой / завой» [Бирюков 2008: 22]. Письмо, песня, звериный вой – даже самые примитивные способы выразить свое состояние и передать информацию отступают перед водной стихией. Этот образ раскрывается на протяжении книги, усугубляясь и становясь разрушительным не только для голоса, но и для жизни вообще.

Стихия воды чаще всего в поэтических ситуациях сюжета книги выступает в связи с пограничным состоянием перехода от жизни к смерти: «под водой / не скажешь / А / затечет вода / в рот / и перевернет / тебя / наоборот», «ты дважды тонул, но тебя спасли» («подводные стихи»), «всплески» в описании предсмертных ощущений лирического героя («краткое содержание фильма»), «колокольчики дождя» сопровождают смерть Аполлинера («гийом аполлинер»). Но в стихотворении «в дожде» С.Бирюков предлагает услышать потаенное: «невероятно вероятное/ в дожде дождись/ и полуслово/ полувнятное/ услышь») [Бирюков 2008: 44]. Автор снова использует прием противопоставления в сочетании с монтажом. Вкрапление противоположного взгляда на вещи посреди рассуждений другого направления приводят к всестороннему видению предмета.

После цикла «подводные стихи» С. Бирюков прямо говорит о невозможности ни прозы, ни стихов.

проза – чистая ложь
правда – не имеет слов
начни пожалуйста (с) основ
вынь да положи
дух избегает прямых пустот
сон вылетает из рукава
ты знаешь ли точно кто это тот
кто вылепил губы вложил слова
тогда остается на берегу
бережь остатки фоном

или вычерчивать на снегу
имя с которым нем [Бирюков 2008:26].

Об этом и стихотворение «за чтением», где создается видимость полемики с вынесенным в заглавие Давидом Авиданом, автором сборника «Ширим билти-эфшариим» (пер. «Невозможные стихи») (1970). Но в последней строфе автор осознает «возможность стихов невозможных», «сотворяющих тут же язык языка то есть в кубе / язык надязык и язык и язык и ядык и ямык<...> еще пятитысячеслишним слоев поверх языка» [Бирюков 2008: 33]. Это настроение начнет расти и шириться, но перед этим еще будет отголосок мотивов, заявленных в книге первыми: темноты, тишины и немоты в стихотворениях «насколько осколки...», «маслянистый зрачок...». Приходят иностранные языки – и появляется слово: немецкие слова переданы кириллицей в стихотворении «полцарства отдают...» и упоминание латинских и греческих текстов в «sic transit», где само название цикла латинское.

В стихотворении «по мотивам» появляется поворотный образ телесного, физиологического рождения творчества. В стихотворении «основы фонологии» он получает уточнение: «мысль-сперма» как настоящий пафос, страсть, апофеоз [Бирюков 2008: 49]. Оплодотворитель же – божественный филолог: «Некто – состоящий из любви слов <...> уловитель-ловитель-воитель слов <...> Некто – из ферментов любви <...> тайного света ниоткуда <...> О гляди и гряди и входи/ В эту узкую дверь зачатия/ В этот час и час и о-твори» [Бирюков 2008: 47]. Такова история рождения слова.

Рожденное слово «возводит речь в степень/ parole уравниваешь с lingua / и тут же обнаруживаешь / жабры бытия раскрытые/ для поглощения пузырьков / для произнесения ночных песен» [Бирюков 2008: 48]. Снова водная стихия и темнота, но уже противопоставленные своим дословесным предшественникам. Если раньше вода и тьма – враждебное для лирического героя и его способности говорить пространство, то теперь это надязыковое, сверхязыковое бытие поэта в экстазе вдохновения. После такого накала страстности, как в стихотворениях «ты возводишь речь...» и «основы фонологии», следует обратный виток спирали. Стихотворения «вот кто ты шедший...», «гийом аполлинер» и цикл «из серии эсхатологических опытов» говорят о сомнениях: «кто ты кто ты / Поэто русо», «кто ты кто ты / порывающий со стихами» [Бирюков 2008: 52], о смерти поэта в прямом и метафизическом смыслах на примере Гийома Аполлинера.

Цикл «из серии эсхатологических опытов» очень экспрессивен. Здесь снова повторяется уже пройденный в книге путь к пониманию слова, поэтического голоса, однако уже в новой эмоциональной тональности. В стихотворениях цикла много восклицательных и вопросительных знаков, что на фоне их отсутствия в других текстах книги «Sphinx» выделяется. Речевая манера всего сборника нейтральна, с языковой игрой и редкими включениями просторечий и иностранных слов. Тем значительнее роль цикла «из серии эсхатологических опытов», где автор, кажется, повышает голос, потеряв терпение с неразумными читателями и привлекая внимание к основополагающим вопросам. Первое стихотворение цикла представляет собой смешение сна, яви и представлений о конце времен. Остановившиеся часы, которые превращаются в весы, а герой вопрошает: «это сказка или басня / или что? / отвечайте отвечайте / а не то!» [Бирюков 2008: 55]. Стихотворение заканчивается прямой угрозой тому, кто так страшно издевается над лирическим героем. Второе стихотворение начинается полусутоливо, но тема не соответствует такому тону – неизбежность болезней, старения и смерти. В последних строках устами представителя организатора мироустройства автор спрашивает: «вас устраивает наша система? / ах нет?! / вот вам билет / и привет!» [Бирюков 2008: 56]. Заканчивается стихотворение даже зловеще: «остановка известна», являясь и констатацией, и предупреждением, и угрозой одновременно. Третье стихотворение цикла подготавливает к следующему стихотворению, где повествуется о смерти Гийома Аполлинера:

вы думаете так уж много
пиитов-поэтов-пыэтов
а их ведь совсем не очень
а их ведь не о
их вправду
почти что и нету [Бирюков 2008:56].

Стихотворение о смерти Г. Аполлинера содержит известное высказывание Ф.Т. Маринетти о том, что война – это «гигиена мира». Этой цитате противостоит постскрипtum, содержащий слова из последней записки смертельно раненного Г. Аполлинера: «Меня ранило точно чуть выше правого / виска...». Ясно, что «гигиена мира» очищает землю не только от устаревших режимов, изживших себя государств, но прежде всего – от людей и от лучших из людей – поэтов. «Война мира / смерть Аполлинера», – в этих строках «мир» и

«Аполлинер» уравниены в словесных формулах. Трагизм ситуации и подчеркивается, и снимается постскриптумом, поскольку в записке Г. Аполлинер говорит о своем чудесном спасении – так возникает мотив мнимой смерти, продолжения жизни поэта в слове.

Последние стихи книги содержат упоминания о поэтах и героях литературных произведений: Велимир Хлебников, Неточка Незванова, А. Блок, «Альфой начав, омегой немею» Г.Р. Державин [Бирюков 2008: 60]. Все это вместе создает линию преемственности к поэзии С. Бирюкова, вводит голос поэта в хор его предшественников, звучащий «в п пространстве». Книга заканчивается «филологическим» стихотворением, заставляющим вспомнить идею оплодотворения / рождения слова, уже звучавшую ранее. Завершается книга вхождением образа поэта, который освоил в совершенстве обретенный голос. Поэт, стихи для которого стали естественным и даже произвольным процессом:

филологическая соль
выпаривание слов из влаги
где результатом выйдет боль
взрывающая лист бумаги

эстетика всегда слепа
где бродит двойственность понятий
и рвется за стопой стопа
соединений и разъятий [Бирюков 2008: 64].

Стихотворение подчеркнуто классично (его 4, 5 и завершающая 7-я части): в нем «за стопой стопа» написаны ямбом, и ясность языка в соединении с афористичной образностью заставляют вспомнить Б. Пастернака: «...И целая их череда / Составилась мало-помалу – / Тех дней единственных, когда / Нам кажется, что время стало...». Имя Б. Пастернака не называлось среди других имен из пространства культуры, но оно возникает в заключительном, итоговом стихотворении книги как некая сумма всех размышлений о поэзии и слове.

Композиция книги С. Бирюкова «Sphinx» отвечает поставленным автором задачам: поведать историю обретения голоса, становления поэта. Сюжет книги повествует о темноте и безмолвии, которые окутывают душу лирического героя до появления звука. О появлении потребности говорить (говорить то же, что думать, писать стихи). О зачатии слова в страстном словолубии. О творческих и рефлексивных

муках поэта и человека. О включенности в мировой литературный поток и естественности, силе, витальности поэтического творчества.

Переход из одной тональности в другую происходит не окончательно, а с периодическим возвращением к названным мотивам подобно виткам спирали. Кульминационными моментами книги являются стихотворения-циклы, в которых сосредоточены лейтмотивы: вода, язык, итоги жизни, философские вопросы. В стихотворениях-циклах сосредоточены наиболее сильные художественные эффекты. Развитие сюжета происходит параллельно с постоянными воспоминаниями о детстве, о путешествиях, с философскими суждениями. Эти элементы в сумме можно выделить в отдельный сюжет путешествия как подведения промежуточных итогов.

ЛИТЕРАТУРА

Айги Г. Поэзия-как-Молчание. Разрозненные записи к теме // Дружба народов – 1996. – № 3. [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/1996/3/aiqi-pr.html> – Дата доступа: 3.10.2014.

Бирюков С. Поэзия русского авангарда. – М.: Лит.-изд. агентство Р. Элинина, 2001. – 280 с.

Бирюков С. Sphinx. – Madrid: Edicionesdel Hebreo Errante, 2008. – 72 с.

Мирзаев А. Сергей Бирюков. Sphinx // Зинзивер – 2009. – № 3–4 (15–16). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zin/2009/3/mi22.html> – Дата доступа: 5.10.2014.

Мирошникова О. Лирическая книга: архитектоника и поэтика (на материале поэзии последней трети XIXв.). – Омск: Омск. гос. ун-т, 2002. – 140 с.

Статья рекомендована к.ф.н., доц. У.Ю. Веринной